ментарии, традиционное вступление и концовка («аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянный»). Однако, во-первых, удельный вес и значение этих элементов значительно уменьшится, если мы примем во внимание, что сочинение Аввакума, известное под названием «Житие», на самом деле является не одним произведением, а сборником различных по жанру и назначению произведений (помимо Жития в собственном смысле, он включает такие отдельные статьи как вступительная полемическая статья о слове «истинный», статья о причастии, статья «Поучение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви», статья «О сложении перст», которые имели вполне самостоятельное хождение в списках). Во-вторых, работая над сочинением, Аввакум или сокращал или исключал вовсе в тексте Жития рассказы о чудесах, полемические и обличительные рассуждения, оставляя их в сборнике, но перенося их за пределы собственно Жития, придавая тем самым своему Житию все большую и большую жанровую цельность.[12] Наконец, некоторые элементы агиографического жанра, все же оставшиеся в Житии в собственном смысле этого слова, не могут определять его жанр, поскольку в силу господства религиозной идеологии в средние века и большого влияния канонической литературы на древнюю русскую литературу они проникали и в летописи, и в воинские повести, и даже в бытовую повесть.

Продолжая попытку В. П. Адриановой-Перетц расширить круг привлекаемой для сравнения с Житием литературы, правомерно было бы сопоставить произведение Аввакума с «Поучением» Владимира Мономаха. Не является ли Житие своего рода развернутым поучением отца детям — в данном случае «духовным детям»? И само сочетание назидательной беседы с живыми картинами-иллюстрациями в Житии не предвосхищено ли в нераздельной слитности строгих формул-наказов с лаконичной живописью «Поучения»? Но как ни соблазнительно это сопоставление, совершенно очевидно, что оно не может объяснить многие особенности Жития, которые в свою очередь побуждают обращаться к другим фактам древней русской литературы. Так, например, вчитываясь в Житие, вслушиваясь в его страстный, порою иронический, порою раздражительный и бранчливый тон, невольно вспоминаешь манеру писем Ивана Грозного и легко представляешь себе, с другой стороны, как при соответствующих обстоятельствах эти письма могли бы развиться в целую полемическую автобиографию (подобно тому, как многие места в Житии восходят к письмам Аввакума). Но ведь не меньше аналогий к Житию можно было бы привести и из древнерусских проповедей, особенно из «Слов» митрополита Даниила...

К какому же жанру следует отнести Житие протопопа Аввакума? Исследователи обычно называют его автобиографией.[13] Такое определение жанра Жития является, на наш взгляд, неточным. Существование собственно автобиографии как самостоятельного литературного жанра сомнительно. Автобиографический материал лишь тогда становится художественным, когда теряет свою исключительность, когда он перестает восприниматься читателем как описание *одной* жизни, жизни только *этого* человека, иными словами, когда этот материал типизируется. Средства же художественной типизации автобиографического материала бывают самыми

---

[12] См. об этом подробнее в нашей статье «Заметки о стиле „Жития" протопопа Аввакума» (ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 273—281).

[13] Н. К. Гудзий (Протопоп Аввакум..., стр. 22, 27), В. П. Адрианова-Перетц (АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 154), В. Л. Комарович (АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 312).